

3. Словарь языка русской поэзии XX века. В 5 т. / Сост. В.П. Григорьев (отв. ред.), Л.Л. Шестакова, В.В. Бакеркина, А.В. Гик, Л.И. Колодяжная, Т.Е. Реутг, Н.А. Фатеева. – М., 2001.

О.Ю. Шиманская (Минск, Беларусь)

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставляя многозначность лексем самых различных языков, можно обнаружить множество совпадений в метафорических переносах. Изучение универсального и специфического в метафоре, ее семантических типов позволяет «выявить случаи параллельного метафорического развития слов в разных языках и, следовательно, регулярную полисемию метафорического типа, составить общую «карту» метафорических связей между отдельными словами-понятиями» [1, с. 25–26] и в то же время осветить различия между соответствующими ЛСГ разных языков, обусловленных культурным контекстом и традицией языка.

Говоря о метафоре, универсальной для нескольких языков, мы имеем в виду приобретение неким словом метафорического значения в различных языках. Сходство образов и параллелизм в метафорических переносах проявляется и в пространстве (одинаковые метафорические переносы в разных языках), и во времени (воспроизведение одних и тех же переносов на разных этапах развития одного языка или группы языков).

Анализ психологических метафор приводит к выводу об их концептуальном характере. Концептуальная метафора определяет способы осмысления человеком действительности в данной культуре, она – результат такого метафорического процесса, целью которого было создание нового понятия (концепта). Определенное знание о каком-либо понятии служит отправной точкой для оценки объема этого понятия и, следовательно, выбора языкового средства, задавая определенные смысловые параметры в зависимости от содержания понятия и намерения говорящего [2, с. 69]. В концептуальной метафоре вспомогательный компонент является основой для осмысления обозначаемого, вычленяет из всей когнитивной структуры релевантные для говорящего компоненты и включает их в новое значение, давая обозначаемому новое имя [3, с. 70].

Палитра метафор «человеческой» сферы чрезвычайно богата, особенно насыщенной лексически выступает бинарная субстантивная концептуальная метафора, в которой непредметный объект представлен так, «как если бы он был предметом другого рода», на основании сходства по ограниченному числу параметров. При этом присутствует сознание фиктивности отождествления различных по своей природе объектов [2, с. 68]. Именно эта метафора за счет функционального родства своих компонентов позволяет нам наиболее четко позволяет установить точки соприкосновения двух сфер – источника и цели.

Установление человеком подобия между явлениями окружающего мира, а также осознание им своего места в этом мире относительно других явлений и объектом служит основой для развития множества метафорических переносов, причем ему свойственно говорить о менее конкретных и реальных явлениях как о более конкретных и реальных.

В основе синестетических метафор лежит установление сходства между эмоциями, чувствами (когнитивная структура цели) и различными ощущениями – зрительными, осязательными (в т.ч. температурными), вкусовыми (когнитивная структура источника). Как уже было сказано, семантические компоненты существительных, выступающих в метафорическом значении, приобретают значение качественных определителей интенсивности и положительной / отрицательной коннотации. Так, *свет, сладкий вкус, тепло* характеризуют эмоции как приятные, положительные, а *темнота, горечь, холод* – как неприятные. ЛСВ «*пламя*» может выступать с энантиосемичными (и положительными и отрицательными) значениями, причем в данном случае в первую очередь подчеркивается именно степень

интенсивности чувства, проявления определенного состояния, а не его оценка. Сравним синестетические метафоры в русском, белорусском и английском языках: *А где тут сияет пронзительный свет любви?* (А. Волос). *Человек, на лице которого никогда не прочтешь и тени смятения...* (Д. Навоша). *I ўспаміны гэтыя засвяціліся ў вачах (бацькі) мяккім пяшчотным святлом* (Васілевіч). *Хмельны солад каханья* (У. Жылка). *У сэрцы горычы прыліў* (А. Ставер). *Растаў твайго маучання лёд* (Л. Пранчак). *A shrewd light entered his eyes. The ice in his voice was only to hide the pain.*

Существование человека в мире природы, его непосредственные контакты с ней определяют не только его осязательные, слуховые и зрительные ощущения. Антропометричность человеческого существования позволяет человеку устанавливать параллели между его внутренним состоянием и внешними силами природы, со стихиями, создавая и другие онтологические метафоры. В данном случае концептосферы природных явлений и эмоциональных состояний чрезвычайно близки, поскольку они несут в себе значения силы, неожиданности, неуправляемости, важности. Сравним: *Порою огонь души унылой воспламеняется во мне...* (А. Пушкин). *Зубы в деснах ослабели, и потух огонь очей* (А. Пушкин). *Навошта кветкі? У сэрцы Без іх агню хапае* (Калачынскі). *Гарачыня пачуццяў, Вочы.. [Паўла] гарэлі вострым агнём нявыказанай крыўды, і губы трасліся* (Чорны). *напал страсцей, А там ачыхла і полымя панскага гневу* (У. Арлоу). *There's nothing like a holiday to rekindle the flames of passion. She felt a flare of anger within her. Да, взметнулася волна горя при страшном известии о Михаиле Александровиче* (М. Булгаков). *Людское шчасце палілося бурную ракой радасці* (Кавалёў). *Сэрца захліснула цёплая пяшчотная хваля* (Місько). *Накрыла ясны твар дзівочы Задумы сумная імгла* (Багдановіч). *Waves of passion came over him. He was drawing her down into an emotional whirlpool. The coffee helped clear the in my brain.*

В естественных языках существует множество других ЛСГ, устанавливающих корреляции между психическим состоянием человека и реалиями окружающего мира. Так, например, чувства и эмоции могут сравниваться с болезнью, раной, голодом, оружием, физическим воздействием, временем дня, порой года, музыкальными явлениями и др. Тем не менее, даже немногочисленные приведенные примеры доказывают универсальный характер концептуальных метафор (целых семантических сфер), семантическая нагрузка которых может, однако, варьироваться в различных языках. Так, метафорическая парадигма «огонь – пламя – пожар» (агонь – полымя – пажар; *blaze – flame – fire*), будучи представленной во всех языках, выявляет некоторые отличия в семантической структура компонентов, а также их функциональной жизни в языке. Так, если в русском языке первое метафорическое значение слова «огонь» – ‘чувство, силой овладевшее кем-л., охватившее кого-л. и т.п.; душевный подъем, пыл’, а второе – ‘блеск глаз’, то в белорусском наоборот: значение ‘блеск в глазах’ выступает как более часто употребляемое, чем ‘душевный подъем’. Такая же картина наблюдается при сопоставлении производных ЛСВ – «огонек» и «агеньчык».

Литература

1. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / В.Г. Гак [и др.]; ответств. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.
2. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте / В.Г. Гак [и др.]; ответств. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 65–77.